

В. Г. Белинский

**Общее значение слова
литература**

Виссарион Белинский

Общее значение слова литература

«Public Domain»

1841

Белинский В. Г.

Общее значение слова литература / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1841

ISBN 978-5-457-13554-3

Белинский рассматривает русскую литературу как огромное социальное явление: она имеет значение не только для одной России, ибо в ней выразилось развитие общечеловеческих, гуманистических идей; и для нас, и для мира она имеет «великое значение не в одном эстетическом, но еще более в историческом значении». Естественно, что на этой теоретической основе им уже прочно утверждается существование оригинальной и замечательной русской литературы, которая «сделалась выражением жизни своего общества, стала русской».

ISBN 978-5-457-13554-3

© Белинский В. Г., 1841

© Public Domain, 1841

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. Комментарии	11
--	----

Виссарион Григорьевич Белинский Общее значение слова литература

Прежде, нежели приступим к изложению истории русской литературы, определим общее значение слова «литература», чтобы потом можно было яснее показать, каким образом и до какой степени *русская литература* соответствует значению *литературы вообще*.

Многие придают совершенно одинаковое значение словам: «словесность», «письменность», «литература» и употребляют их без разбору. Другие, по принципу пуризма, вовсе не хотят употреблять иностранного слова «литература», думая, что его значение вполне выражается русскими словами: «словесность» и «письменность». Пуристы хотели бы совершенно изгнать из употребления слово «литература», как иностранное и притом лишнее в русском языке. Но их усилия остаются бесплодными. Слово существует: стало быть, оно необходимо, и его не может заменить собою никакое другое слово, потому что в языке не может существовать двух слов, совершенно равносильных и тождественных в выражении одного и того же понятия. Если «словесностию» можно заменить «литературу», то книжное и несколько тяжелое слово «словесник» не может заменить собою слова «литератор». Все говорят и пишут: «литературный журнал», «литературная газета», но никто, под опасением быть или непонятым, или смешным, не скажет: «словесный журнал», «словесная газета». Равным образом можно сказать: «человек есть словесное (в смысле одаренного словом) животное», но нельзя сказать: «человек есть литературное животное». Из этого видно, что ни «словесность» не может совершенно заменить собою «литературы», ни «литература» – «словесности»: оба эти слова равно необходимы, потому что, несмотря на их родственность, есть резкий оттенок в сущности выражаемых ими понятий.

Впрочем, требовать, чтобы три эти слова: «словесность», «письменность» и «литература», никогда не употреблялись одно вместо другого, – значило бы впасть в педантизм, тем более, что эти слова иногда действительно сходятся между собою в значении. Но как, с другой стороны, они часто расходятся в оттенках общего им всем значения, то и странно было бы не определить этой разницы и не воспользоваться ею как средством к большей определенности и ясности в понятиях. Во всех европейских языках употребляется только одно слово – «литература» для выражения понятия, выражаемого по-русски тремя словами – «словесность», «письменность» и «литература»: тем лучше для нас! Значит: в этом отношении наш язык богаче других. Надобно же пользоваться этим богатством.

Письменность и *литература* прежде всего относятся к словесности, как вид к роду. Понятие, выражаемое словесностию, гораздо общее, нежели понятия, выражаемые *письменностию* и *литературою*: в обширном смысле, словесность включает в себе и *письменность* и *литературу*, как ее же собственные проявления. Все, что находит свое выражение в слове, все это принадлежит к области словесности: и народная поговорка или пословица – и курс философии; и народная сказка или песня – и эпическая поэма или драматическое произведение как великого поэта, так и бездарного сочинителя; и летопись, и история, и ученое сочинение, и учебник, и лексикон, и каталог книг, и книжка о легчайшем способе отращивать волосы и истреблять мух. К области *письменности* принадлежат те словесные произведения, которые народ, не знавший еще книгопечатания, почел достойными сохранить от забвения посредством письменного искусства. Под *литературою* разумеется или словесность народа, исторически развившаяся и отражающая в себе народное сознание, или какая-нибудь отрасль словесности, обнимающая собою известную сторону искусства и науки. Так, в последнем случае говорится: литература эстетики, литература истории, литература математики, медицины, технологии и т. д., разумея под этим собрание всех сочинений, относя-

щихся до того или другого из исчисленных предметов. Понятие о литературе тесно связано с понятием о книгопечатании.

Из этого видно, что *письменность* и *литература* относятся еще к *словесности* и как постепенные моменты ее развития. Другими словами: *словесность*, *письменность* и *литература* суть три главные периода в истории народного сознания, выражающегося в слове. Сознание всех младенчествующих народов прежде всего выражается в поэзии, и потому каждый народ и каждое племя непременно имеет свою поэзию, на какой бы низкой степени цивилизации и образования настояли они. Отсюда не исключаются ни номады средней Азии, ни дикари океанийские. Народ или племя может не знать искусства писания, но не может не иметь поэзии. Поэзия младенчествующих народов состоит не столько в поэтическом содержании и поэтической форме, сколько в поэтическом выражении. Форма и выражение – не всегда одно и то же-, первая относится к расположению, к композиции поэтического произведения; под вторым должно разуметь только склад речи, слог, короче – форму слова. И потому у младенчествующих народов выражение всегда поэтическое, хотя содержание часто бывает нелепое, а форма чудовищная. Они поэтически выражают и свою опытную мудрость (поговорки, пословицы, параболы, басни), и прошедшее их жизни (предание), и свои космогонические и религиозные понятия (мифы, гимны и т. п.). О таком народе, или племени, можно сказать, что они имеют *словесность*, – и в этом смысле нет на земле народа, ни племени, даже дикого, у которого не было бы словесности. Когда народ знакомится с искусством письмен, его словесность получает новый характер, зависящий от духа народа и от степени его цивилизации и образованности. Таким образом, самые древние памятники космогонической и мифической поэзии греков дошли до нас, сохраненные посредством письма; по преимуществу народ эстетического чувства, греки, познакомившись с искусством писать, тотчас же поспешили передать хранению буквы прежде всего поэтические произведения их национального духа. Другое зрелище представляют словенские племена в отношении к письменности: этим искусством они обязаны ревности христианских проповедников, которые видели в нем вернейшее средство распространить между ним» евангельское учение. А так как христианство, естественно, произвело в словенских племенах дух безусловного отрицания прежней языческой их национальности, и так как понятие о письменности в уме этих племен тесно слилось с понятием о христианской религии, то письменность и приняла у них характер по преимуществу церковный: славяне считали достойным предавать письменам только книги религиозного и теологического содержания.^[1] К этому присовокупился еще род словесности, бывший долгое время исключительным достоянием монашесствующего духовенства – *летописи*. Благочестивые иноки, в назидательное поучение потомству, описывали дела мирские, с тем взглядом на вещи, который невольно сообщало им чувство их разъединения с миром, в недрах тихого успокоения кельи. Естественно, что памятники языческой поэзии были забыты и не вверялись букве. Оттого до нас не дошло не только никаких песен языческого периода Руси, но мы даже не имеем почти никакого понятия о словенской мифологии. Немногие имена богов и названия праздников и обрядов сохранились для нас только в обличительных противу остатков язычества словах ревностных поборников церкви. Если до нас дошло несколько сказок или поэм в сказочном роде, в которых имя «Владимира красна солнышка, ласкового князя киевского стольного» играет значительную роль, – это сделалось как бы случайно. Сказки эти долго хранились в народной памяти и до того изменялись с каждым веком, подновляясь и в языке и в понятиях, что в то время, когда грамотным людям пришла охота положить их на бумагу, они уже совершенно лишились своего первобытного вида. А списаны они с слов народа на бумагу, вероятно, не раньше XVII столетия. «Слово о полку Игоревом» – этот прекрасный памятник уже полуязыческой поэзии, дошло до нас в единственном и притом искаженном списке. Сколько же памятников народной поэзии погибло совсем! Этому причиною было, во-первых, высокое понятие

наших предков о достоинстве письменности: они думали, что письмо назначено только для сохранения слова божия и важных дел государственных и что значило бы унижать его, записывая выдумки праздных балагуров и потешников; во-вторых, наши предки, как бы чувствуя бессознательно ничтожность и незначительность их народной поэзии, по инстинкту не дорожили ее памятниками. И они были правы: гибнет в потоке времени только то, что лишено крепкого зерна жизни и что, следовательно, не стоит жизни. И потому, не презирая уцелевшими остатками нашей народной поэзии, в то же время не будем слишком жалеть об утраченных. Таким образом, период нашей *словесности* до времен письменности для нас погиб невожатно, а период нашей *письменности*, совпадая в своем начале с эпохой изобретения Кириллом и Мефодием словенской азбуки (эпохой до сих пор еще не определенной с точностью), совпадает в своем конце с эпохой начала русской *литературы*, то есть с эпохой появления первых светских русских писателей. Период русской письменности ознаменовался несколькими (весьма немногими) сочинениями, если не совсем литературными, то и не подходящими под разряд ни теологических, ни летописных произведений словесности.

Литература есть последнее и высшее выражение мысли народа, проявляющейся в слове. Органическая последовательность в развитии – вот что составляет характер литературы, и вот чем отличается литература от словесности и письменности. Если произведение литературы носит на себе печать существенного достоинства, – оно уже не может быть случайным явлением, которое не было бы некоторым образом результатом предшествовавших ему произведений или, по крайней мере, не объяснялось бы ими, и которое бы, в свою очередь, не порождало бы других литературных явлений или, по крайней мере, не имело бы на них прямого или косвенного влияния. Таким образом, не только современная нам французская, но и современная нам германская литература не могут быть поняты и оценены надлежащим образом без знания французской литературы XVII века, – равно как и последняя может быть объяснена только чрез изучение французской литературы века Луи XIV-го. И мало того, что нужно особенное изучение вообще литературы средних веков, чтобы понять французскую литературу XVI и последующих столетий: надобно еще иметь понятие о древней классической литературе греков и римлян, чтоб владеть возможностью изучать какую бы то ни было из европейских литератур от времен возрождения до настоящей минуты. Из этого видно, что всякая сфера, в какой ни развивается дух человеческий, состоит из фактов, органически связанных один с другим и последовательно родившихся один из другого, и что, кроме литературы того или другого народа, есть еще литература всеобщая, человеческая, вселенская, у которой есть своя история. Предмет этой истории: развитие человеческого сознания в сфере слова. Литература, которая не может иметь своей истории, то есть литература, явления которой не состоят в живой органической связи между собою, не есть литература, но только словесность или письменность. Правда, и словесность и письменность могут иметь свою историю, но какую – вот вопрос! История словесности или письменности есть не что иное, как более или менее обширный каталог произведений, хранящихся в памяти народа или в его письменности, – каталог с необходимыми объяснениями и учеными комментариями. Но каталог может служить только материалом для истории, но сам историей быть не может.

Период литературы у всех новейших народов начинается собственно с эпохи изобретения книгопечатания. И потому понятие о литературе у них как-то неволью сливается с понятием о книгопечатании. Действительно, до изобретения книгопечатания словесность Европы, носит на себе характер письменности то есть разъединенности и случайности. Исключение остается почти за одною Италиею, которая считалась уже просвещеннейшею страной Европы, когда еще сама Франция тонула во мраке невежества и дикости нравов. Поэтому Италия гордилась именами Данта, Петрарки и Боккачио еще в XIII и XIV столетиях, тогда как сама Франция только в XVI веке гордилась довольно ничтожными знамени-

тостями вроде Ронсара, Ренье, Малерба, и только в XVII веке увидела своего первого великого поэта – Корнеля; имена Рабле и Монтаня принадлежат XV и XVI столетию. Правда, еще в средние века являлись великие люди, сильные мыслию и упреждавшие свое время; так, Франция еще в XII веке имела Абеллара; но люди, подобные ему, бесплодно бросали во мрак своего времени яркие молнии могучей мысли: они были поняты и оценены через несколько веков после их смерти. Наука и мысль, до начала XVI века, скрывались во мраке, как чернокнижничество, разбой и контрабанда. Ученые сочинения, как тайна, передавались в рукописях от одного адепта к другому. Словом, это была письменность, но не литература. Только словесность одной Италии и в варварские времена имеет характер литературы; по крайней мере, в Италии поэзия является уже как литература, в то время как в других странах Европы поэзия находилась еще на степени словесности и письменности.

В области словесности нет знаменитых имен, потому что автор словесности – всегда народ. Никто не знает, кто сложил его простые и наивные песни, в которых так безусловно и ярко отразилась внутренняя и внешняя жизнь юного народа или племени. В эпоху младенчества народ и не заботится об именах своих первых поэтов, равно как и сами поэты не заботятся о сохранении их имени в потомстве. В эти времена поэзия – не заслуга, а инстинктивная потребность: человеку поется – и он поет, совсем не подозревая, что он – поэт. И переходит песня из рода в род, от поколения к поколению; и изменяется она со временем: то укоротят ее, то удлинят, то переделают, то соединят ее с другою песнею, то сложат другую песню в дополнение к ней: и вот из песен выходят поэмы, которых автором может назвать себя только народ. После этого понятно, почему письменность, когда она удостоивала своего внимания поэтические произведения, не передавала имен их творцов и мы не знаем имени автора «Нибелунгов» и других поэм в этом роде. Другое дело – литература: ее деятелем является уже не народ, а отдельные лица, выражающие свою умственную деятельность различные стороны народного духа. В литературе личность вступает в полное право свое, и литературные эпохи всегда означаются именами лиц. Литература образует собою отдельную и самостоятельную область умственной деятельности, существование и права которой признаются всем обществом. Литература всегда опирается на публичность, получает свое утверждение от общественного мнения. Она существует не при свете только уединенной лампы отшельника или гонимого ученого, но при свете солнца, открыто и явно. Она поддерживается не вниманием только небольшого круга посвященных, составляющих род тайного общества, или избранных любителей, но вниманием всего народа, по крайней мере, в лице его образованных классов. Литература есть достояние всего общества, которое через нее обратно получает себе, в сознательной и изящной форме, все то, чему источником было его же собственное непосредственное бытие. Общество находит в литературе свою действительную жизнь, возведенную в идеал, приведенную в сознание. Поэтому в моментах развития литературы, обыкновенно называемых литературными эпохами и периодами, отражаются моменты исторического развития народа, – и в таком случае литература точно так же объясняет собою политическую историю народа, как и история – литературу. Так, история Франции XVIII века вся заключается преимущественно в ее литературе этого времени. Если мы сказали, что понятие о *книгопечатании* почти тождественно с понятием о *литературе*, – это потому, что книгопечатание есть великое и могущественное средство к *публичности*, без которой слово «литература» есть звук без смысла, тело без души. Публичность так важна для литературы, что теперь во Франции вошло в употребление слово *пресса* (la presse – книгопечатание), как выражающее более общее и обширное понятие, нежели слово *литература*. Вся сфера современного общественного движения теперь выражается словом *пресса*: это живой пульс общества, по биению которого вернее, нежели по какому-нибудь другому признаку, можно судить о состоянии общества в отношениях: политическом, административном, ученом, литературном, эстетическом, нравственном, в отношении к народ-

ному духу, богатству, промышленности, ремеслам, и пр. и пр. Нет стороны в обществе, которая бы теперь не выражалась *прессою*, не жила в ней и ею. Но из этого не следует, чтобы литература могла быть только у народа, знакомого с искусством книгопечатания: из этого следует только, что *публичность*, в смысле доступности литературных произведений вниманию общества, составляет одно из главнейших условий существования литературы. Книгопечатание есть только могущественнейшее, но не единственное средство к публичности. Под *литературою*, в точном и определенном значении этого слова, должно разуметь *сознание народа, исторически* выразившееся в словесных произведениях его ума и фантазии, – а так как сознание есть высшее проявление жизни народа, то литература необходимо должна быть его общим достоянием, чем-то таким, что до всех равно касается, всех равно интересует, всем равно доступно. Словом: литература должна быть в отношении к народу вместе и сценою и спектаклем, который на ней разыгрывается, а народ в отношении к литературе должен быть публикою, которая не сводит глаз со сцены, созерцая представляемое на ней зрелище. Лучшее для этого средство, повторяем, есть книгопечатание, – и однакож, несмотря на то, древняя греческая литература, со стороны публичности, едва ли не более подходит под наше определение, нежели любая из новейших литератур, не исключая и французской, хотя греки и не знали искусства печатания. Жизнь греков, политическая, государственная, общественная, религиозная, артистическая, ученая, была и без книгопечатания в высшей степени *публична*, так что книгопечатание, столь важное в новом мире, может быть, противоречило бы духу и характеру их публичности. Хотя произведения поэтов греческих существовали и письменно, тем не менее эллины предпочитали живое изустное слово мертвой букве, и лучше любили слушать, нежели читать. Оттого декламация была у них отдельным и самостоятельным искусством, которое требовало не только изучения, но и природного дарования. Древние читали стихи не так, как читаем их мы, но нараспев; их поэзия тесно была соединена с музыкою, и певучая декламация стихов их сопровождалась аккомпанементом на лире. От имени этого инструмента получила свое название *лирическая* поэзия; а от певучей декламации стихов слова *петь* и *воспевать* получили значение слова *сочинять, творить*, что сохранилось, по преданию, от греков, и притом не совсем основательно, и в новейшей европейской поэзии, в которой весьма обыкновенны выражения «пою то-то или того-то», «я пел мою любовь, мои страдания» и т. п. Что греки не читали, а как бы пели свои стихи, это имело у них глубокое основание, ибо происходило не от произвола обыкновения и привычки, а от свойственного и сродного их национальному духу созерцания искусства. У нас каждый сам читает для себя стихи и наслаждается их изяществом так же полно и при дурном чтении, как и при хорошем; для грека хорошо продекламировать стихи было то же, что для нас разыграть музыкальную пьесу. Оттого у нас хорошее чтение стихов есть не больше, – как умение, которое не дает ни славы, ни известности; у греков хорошая декламация стихов была искусством, для которого требовался своего рода талант. Это было одною из причин, почему греческий театр так же мало имел общего с нашим театром, как и наша драма мало имеет общего с греческою. По понятию греков, искусство было представлением, в грандиозных образах, явлений идеальной жизни – род религиозно-государственного представления, героем которого была национальная жизнь. Посему их трагедия могла сосредоточивать свой пафос и свою главную идею на полубогах, героях¹, царях и народе (который, в виде хора, изъявлял свое мнение о созерцаемом им зрелище); из жизни же своих божественных и царственных героев трагедия греческая могла брать только идеальные, высокие моменты. Поэтому актеры играли на котурне и в маске, в их речи хотели слышать спокойно возвышенный голос, исполненный достоинства и величия; котурн, возвышавший рост актеров,

¹ От чего и произошло, по преданию от греков, слово *герой* в смысле главного действующего лица в поэме, драме, романе, повести, даже комедии.

отходя от природы действительности, тем более приближался к натуре идеальности, делая представляемых ими героев как бы жителями другого, высшего мира, для которых были бы унижены обыкновенные размеры человеческого роста; маски, увеличивавшие собою лица актеров и носившие на себе общее идеальное выражение, также представляли глазам зрителей героев трагедии в особенном идеальном свете. К тому же греческий народ почел бы за профанацию увидеть героя в знакомом ему лице актера. Современность тоже не могла давать содержания для трагедии: нужно было, чтобы колоссальные образы героев представлялись в священном сумраке и таинственной дали веков и предания. Из всего этого видно, что как трагедия, так и театр греческий были чисто *искусственны*. Здесь слово «искусственный» должно понимать в смысле «художественного», «артистического», противоположного пошлой, повседневной действительности, презренной прозе житейского, а не в смысле противоположного натуре и естественности, поддельного и ложного, как понимаем мы слово «искусственный». Французы XVII и XVIII столетий, проникнувшие отчасти в таинства греческой буквы, но не проникнувшие в таинства греческого духа, не понявши, что у всякого века и всякого народа свои идеи, а следовательно, и свои, соответственные им, формы, — создали у себя искусство на манер древних, тем более не похожее на него, чем более рабски было оно копировано с его непонятых ими форм и внешностей. Французы решились не пускать в трагедию никого, кроме царей и их наперсников, а из простого народа допустили только вестников, заставив их рапортовать надутым слогом о том, что сделалось за кулисами; они забыли, что в новейшем обществе проза жизни получила полное свое право на поэтическое представление и что драма новейшей жизни слагалась из лиц всех сословий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Позднейшие публикации памятников древнерусской литературы доказали, что в ней существовала не только теологическая, но и светская литература.